

АНТРОПОЛОГИЯ ЖИВОГО И НЕЖИВОГО: СЛУЧАЙ ТЕЛА И ТЕХНИКИ (ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ)

Сергей Валерьевич Соколовский

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
32а Ленинский пр., Москва, Россия
SokolovskiSerg@gmail.com

Аннотация: В статье резюмируются основные положения представленной в этом выпуске журнала дискуссии по проблемам взаимодействия человеческого тела и технологий. Отталкиваясь от предложенного Робертом Леви понятия гипокогниции для описания ситуации в этой междисциплинарной сфере исследований, вовлекающей представителей дюжины дисциплин, автор предлагает поиск концептуальных средств для междисциплинарного диалога. Помимо краткого обзора предыстории дискуссии и позиций ее участников в отношении вынесенных на обсуждение вопросов, обосновывается единство тела и (технической или искусственной) среды, выступающих как эволюционирующее единство. Поскольку новые технологии стремительно и радикально меняют общество, культуру и самого человека и вступают в принципиально новые отношения с человеческой телесностью, трансформируя не только наши навыки, умения, практики, диспозиции, схему и образ тела и демонстрируя все более тесные виды интеграции и гибридизации соматического и технического, органического и неорганического, живого и косного, они должны войти в предмет антропологии, прежде интересовавшейся больше традицией, нежели инновациями.

Ключевые слова: исследования технологий в антропологии, исследование тела, гипокогниция, междисциплинарный диалог.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта (грант № 18-18-00082).

Для ссылки: Соколовский С. Антропология живого и неживого: случай тела и техники (послесловие к дискуссии) // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 83–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-83-96

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/sokolovskiy_1.pdf

ANTHROPOLOGY OF THE LIVING AND THE DEAD: THE CASE OF HUMAN BODY AND TECHNICS (AN AFTERWORD TO THE DISCUSSION)

Sergei Sokolovskiy

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

Abstract: The paper summarizes the discussion on anthropological approach to the study of the interface of human body and technologies. Employing the concept of “hypocognition” suggested by Robert Levy, the author suggests the search for conceptual tools necessary for interdisciplinary dialogue in this new research field. In addition to a brief overview of this search and the resulting discussion, the paper contains polemics with traditional approach to human body and technologies as separate phenomena. As new technologies interact with the human body in new and intricate ways, and influence human beings, societies, and cultures across the world, their study must become part and parcel of anthropology, which has so far focused on tradition and paid less attention to innovations.

Keywords: technology research in anthropology, body studies, hypocognition, interdisciplinary dialogue.

Acknowledgements: The work was supported by a research grant from Russian Science Foundation (no. 18-18-00082).

To cite: Sokolovskiy S., ‘Antropologiya zhivogo i nezivogo: sluchay tela i tekhniki (posleslovie k diskussii)’ [Anthropology of the Living and the Dead: The Case of Human Body and Technics (an afterword to the discussion)], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 83–96.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-83-96

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/sokolovskiy_1.pdf

Антропология живого и неживого: случай тела и техники (послесловие к дискуссии)

В статье резюмируются основные положения представленной в этом выпуске журнала дискуссии по проблемам взаимодействия человеческого тела и технологий. Отталкиваясь от предложенного Робертом Леви понятия гипокогниции для описания ситуации в этой междисциплинарной сфере исследований, вовлекающей представителей дюжины дисциплин, автор предлагает поиск концептуальных средств для междисциплинарного диалога. Помимо краткого обзора предистории дискуссии и позиций ее участников в отношении вынесенных на обсуждение вопросов, обосновывается единство тела и (технической или искусственной) среды, выступающих как эволюционирующее единство. Поскольку новые технологии стремительно и радикально меняют общество, культуру и самого человека и вступают в принципиально новые отношения с человеческой телесностью, трансформируя не только наши навыки, умения, практики, диспозиции, схему и образ тела и демонстрируя все более тесные виды интеграции и гибридизации соматического и технического, органического и неорганического, живого и косного, они должны войти в предмет антропологии, прежде интересовавшейся больше традицией, нежели инновациями.

Ключевые слова: исследования технологий в антропологии, исследования тела, гипокогниция, междисциплинарный диалог.

Дискуссии в междисциплинарных областях исследований можно уподобить беседе, которая, по словам М. Мерло-Понти, только тогда оказывается подлинной, когда позволяет собеседникам получить доступ к идеям, дотоле им не только не знакомым, но даже таким, на которые они сами никогда бы и не сподобились (он пишет: «не были способны» [Мерло-Понти 2006: 23]). Происходит это, по моему разумению, потому, что любая дисциплина располагает собственным концептуальным инструментарием, настроенным на решение лишь ее задач и создающим особый угол зрения на предмет или оптику, столь же уникальную и идиосинкразическую, сколь и индивидуальные манеры восприятия вещей. Наша профессиональная оптика, во всяком случае — видение западного человека со времен изобретения понятийного мышления, реализуется не столько с помощью глаз, сколько за счет работы разума. Вот почему во многих европейских языках глаголы *видеть*, *понимать* и *опознавать* оказываются контекстуально синонимичными. Такое *умозрение* имеет обратной стороной обусловленную отсутствием подходящих концептов слепоту, получившую наименование гипокогниции (термин, предложенный работавшим на Таити американским антро-

Сергей Валерьевич Соколовский
Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
SokolovskiSerg@gmail.com

пологом Робертом Леви [Levy 1973: 285, 324]). Носители любого дисциплинарного знания, будучи почти что ясновидящими на «своем поле», просто обречены на гипокогницию при столкновении с новыми областями знания или непривычными взглядами на известный им предмет. Люди не в состоянии освоить и тысячной доли универсума понятий, которыми располагает сегодня человечество, поскольку не сталкиваются на протяжении своей жизни со множеством социальных, культурных, научных и философских дискурсов. Именно в силу этого обстоятельства междисциплинарные области исследований, являясь своеобразными площадками для встречи и обмена уникальными знаниями и словарями, становятся катализаторами инноваций и локомотивами развития научного знания. Однако встреча носителей разных словарей сама по себе не может обеспечить успешности обмена. Наивно полагать, что метаязыком для такого рода «беседы» может стать сама реальность. Нужна какая-то объемлющая рамка, общий словарь, поиск метафор, аналогий и междисциплинарный перевод, чтобы беседа между членами разных дисциплинарных сообществ оказалась подлинной, а собеседники получили доступ к новым идеям, к которым сами они вне такого обмена не пришли бы.

У дискуссии в этом выпуске «Форума» была именно такая задача — поиск общей концептуальной рамки, позволяющей представителям разных дисциплин (в частности, медицинской антропологии, антропологии катастроф, антропологии тела и техноантропологии, а также социологии, истории и философии тела и техники и, разумеется, исследователям практик, ритуалов, умений, привычек и габитусов) углубить собственное видение и обогатить отраслевые словари и оптику в результате обмена мнениями по предложенной тематике. У этого замысла есть предыстория, краткое знакомство с которой, возможно, прояснит некоторые стороны представленного в этом выпуске обсуждения.

Одной из первых публикаций по исследованиям современной технокультуры в российской антропологии явился тематический выпуск «Новые подходы к исследованию материальной культуры», в котором среди прочего содержались обзоры Филиппа Ваннини по антропологии и социологии техники и Дэвида Хесса по этнографии науки и технологий (Этнографическое обозрение. 2011. № 5), а также полевое исследование современных цифровых технологий Натальи Богатырь [Богатырь 2011]. Вскоре после этого вышел в свет выпуск по антропологии организаций с важными для нашей темы работами о роли материальной инфраструктуры и технологических инноваций (ЭО. 2012. № 3), а через год (ЭО. 2013. № 3) были рассмотрены этические проблемы постгуманизма и новых техно-

логий, а всех заинтересованных авторов редколлегия пригласила публиковать свои исследования, касающиеся таких сюжетов, как «протезирование и границы тела, взаимоотношения живого и косного, человеческое тело и новые технологии, нейробиология и проблемы искусственного интеллекта» [Соколовский 2013: 38]. Среди будущих тематических выпусков была названа и тема «Живое и косное: старые мифологии, новые технологии и человеческое тело». В 2017 г. в тематическом выпуске «Антропология пространств и мобильностей» опубликованы результаты важного в теоретико-методологическом отношении исследования по проблеме локализации технауки [Земнухова, Сивков 2017]. Наконец, в рамках XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, июль 2017 г.) прошла секция «Технологии и телесность: новые концепции и методы исследования», участники которой составили большинство авторского пула нынешнего «Форума». В апреле 2018 г. вышел в свет спецвыпуск журнала «Социология власти» (2017. № 3) «Онтологии тела и медицинской практики» с рассмотрением проблематики взаимодействия тела и технологий.

Все эти работы создали необходимые условия для реализации исследований по вполне традиционной для нашей этнографии тематике на основе новых подходов и методов, но главным образом в рамках обновленного и обогащенного концептуального контекста для рассмотрения взаимодействий живого и мертвого, телесного и технического. В частности, появилась возможность изучения погребальных ритуалов и танатологических практик на широком фоне взаимодействий живого-органического-природного и косного-неорганического-технического, и в 2018 г. стартовал исследовательский проект «Умершие в мире живых: кросскультурное исследование коммуникативных аспектов танатологических практик и верований» (грант РФФИ 18-18-00082), нацеленный на изучение таких практик в ряде стран Европы, Азии и Африки. Именно в контексте этого проекта были сформулированы те специфические теоретико-методологические и науковедческие вопросы, которые послужили затем основой для вынесения их на обсуждение участников этого «Форума».

На первый взгляд, соединение столь традиционной для этнографов проблематики с акторно-сетевой методологией и учетом прежде игнорируемых технологических аспектов этих практик (а технологии здесь применяются повсюду — не только в ходе погребения или обращения с мертвым телом; они опосредуют коммеморативные практики и коммуникацию между живыми и мертвыми) кажется натянутым. Такой скепсис, я убежден, обусловлен как раз теми стереотипами мышления, которые и пытаются разрушить новые подходы. Грегори

Бейтсон, как известно, призывал рассматривать в качестве фундаментальной единицы эволюции не отдельную особь, но ее единство со средой («единицей выживания является организм-в-его-среде» — *organism-in-its-environment* [Bateson 1987: 319–320]), что применительно к человеку можно трактовать как индивида, носителя конкретной культуры в единстве с его техно-технологическими умениями, имплантатами, протезами, экстенсиями и оболочками и всей создаваемой человеком искусственной средой (ранее я предложил использовать особый термин для выражения этого единства — *техноморфа* [Соколовский 2017]).

Обусловленность поведения человека его технической средой антропологами обычно игнорировалась, поскольку суть этого поведения усматривалась в знаковой, символической, ментальной или когнитивной составляющих. Такое игнорирование представляет собой один из стереотипов современного мышления, заложенных еще картезианским противопоставлением *cogito* и тела. В современных нейрофизиологии, психологии и когнитивных науках это противопоставление снимается понятием «воплощенного разума» (*embodied mind*) или «разумного тела» (*mindful body*, о нем упоминает Ирина Сироткина). Кроме того, для снятия противопоставления человека и его среды были предложены понятия киборга, гибрида, артифицированной телесности и т.п. Петер Слотердайк, немецкий философ и автор оригинальной концепции морфологии человеческих жизненных пространств в эпоху медиатехнологической глобализации, основываясь на понятии *Dasein* 'а («бытия-в-[мире]») Мартина Хайдеггера, кладет в основание своего подхода к описанию социокультурных процессов (сферологии) специфическое понимание телесности человека. Он также обращает внимание на то обстоятельство, что использование биотехнологий (иными словами, технической трансформации биологической материи, включая человеческую телесность) открывает эру радикального преобразования человечества, и подчеркивает значимость генной инженерии и биотехнологий для современных теорий культуры. В представлении Слотердайка человек — это не столько *animal rationale*, сколько прежде всего животное, обладающее телом: телесность человека формируется его же культурными практиками и раскрывается как раз благодаря развитию техники, поскольку его умения (*τέχνη*) и обусловленное ими техногенное воздействие на среду раскрывают новые аспекты телесности человека [Слотердайк 2005; 2007; 2010]. Эта подмеченная уже Хайдеггером и развитая Слотердайком в рамках его «постметафизической философии» диалектика между *телом* и *техникой* выражает их сложную взаимозависимость в процессе соматотехногенеза

и по-новому раскрывает отношения человеческого организма и связанной с ним техносреды. Здесь тело и среда снова выступают как эволюционирующее единство, как техника выживания и условие жизни, границы которой (смерть, превращение живого в мертвое) определяются в равной степени как телесной дисфункцией, болезнью, недомоганием или дезадаптацией, так и техническим сбоем жизнеобеспечения или техногенной катастрофой.

Все эти темы так или иначе затрагиваются участниками данного обсуждения в привязке к антропологии и ее роли в раскрытии этой тематики, причем многие из них отмечают изначальную слитность и исходное единство того, что в вопросах «Форума» различается и противопоставляется — тела и техники. Так, Ирина Сироткина обращает наше внимание на то, что *τέχνη*, оставаясь человеческим умением, не может не являться неотъемлемой частью *ἄνθρωπος*, и уже поэтому «роль антропологии в исследовании *техники как расширяющихся способностей человека*, или, как сказали бы методологи, его *оспособления*, трудно переоценить» (курсив мой. — С.С.). Весьма близкой позиции придерживается и Виктор Круткин, который разделяет подход Дэна Миллера, трактующего отношения технологии и человека как процесс объективации, выражаемый диалектикой субъекта и объекта, где «субъект становится объектом самого себя, он возвращается к себе на новом уровне, это циклически продолжается, очередная объективация вызовет новое изменение субъекта <...> Через артефакты люди упорядочивают мир, в том же самом процессе происходит упорядочивание человека». Он также напоминает нам о высказываниях Андре Леруа-Гурана о том, что «техника — это фактор биологического измерения человека», эволюционный фактор, в ходе развития которого «инструменты и тела глубоко прорастают друг в друга». Александра Курленкова, воспроизводя тезис Бейтсона и учитывая западные способы категоризации и проведения границ между живым и неживым, тоже пишет о возможности «принципиально новых концептуализаций тела и технологий», например таких, «в которых они не противопоставлены друг другу, а представлены как нечто слитное, нераздельное, как часть сложной взаимосвязанной системы “человек+среда”». Елена Гудова связывает истоки критики дуализма тела и техники с известным «Манифестом киборгов» Донны Харауэй [Haraway 1985] (уместно отметить, что сам этот термин был впервые предложен в 1960 г. в статье “Cyborgs and Space” сентябрьского выпуска журнала “Astronautics” за авторством уроженца Вены, талантливого пианиста, изобретателя и исследователя Манфреда Клайнса и психиатра, руководителя исследовательского центра и клиники Рокленд Натана Клайна [Clynes, Kline 1960]).

Дмитрий Михель в своем рассуждении не поднимает вопроса, составляют ли тело и технологии одно целое или противостоят друг другу, однако его пример с технологиями пересадки органов, пересекающими «границы между живыми и мертвым <...> между естественным и искусственным», свидетельствует о сложно устроенном единстве телесности и технологий и их тесной взаимозависимости, для размышлений о которой требуется создание особых понятий. Его вопрос, смогут ли наши тела адаптироваться к новой технологической реальности, задает еще один угол рассмотрения проблемы отношений тела и техники: гармоничного или дисгармоничного сосуществования в рамках ансамблей, которые те образуют. Елена Соколова считает, что тело и техника составляют единство, поскольку они являются частями единого человеческого опыта. Несмотря на иной позиции по вопросу соотношения техники и тела придерживается Магдалена Кожевникова. Она рассматривает технику как *средство наблюдения* за «переплетением жизненных форм», а в случае новейших технологий — как *инструмент* для скрещивания живого и неживого и создания гибридов и химер. Инструментальная трактовка техники имеет давние исторические и философские корни, но нуждается в более глубокой разработке и конкретизации самой категории *инструмент* и прояснения генезиса *инструментальности*. И если в первом случае (техника как средство наблюдения) технику можно рассматривать как реализацию «оспособления человека», то во втором примере (использование техники для межвидовых скрещиваний и гибридов из живого и неживого) техника выступает в несвойственном ей прежде обличье источника новых форм жизни.

Вопрос о роли антропологии в исследованиях взаимоотношений тела и техники поднимает проблему обоснованного расширения ее предмета, в особенности включения в него новых технологий. Какие аргументы существуют в пользу такого включения и какие возражения можно выдвинуть против расширения и без того уже фрагментированной и с трудом обозреваемой области антропологических интересов? Антропологи, в том числе российские, уже не первый год исследуют современные технологии и их влияние на человеческую телесность, однако до сих пор такие исследования за редчайшими исключениями велись лишь в медицинской антропологии, где в центре внимания оказались интегрирующие проблематику телесности и техники био- и репродуктивные технологии. Еще одной областью антропологических исследований, где интересующая нас сфера хотя и не является центральной, но неизбежно затрагивается, оказывается антропология профессий, поскольку профессиональный опыт респондентов часто каса-

ется сюжетов, имеющих прямое отношение к интерфейсу тела и техники.

Легитимность включения в предмет дисциплины тела человека, с одной стороны, и техники и технологий — с другой, вряд ли можно оспаривать, поскольку они исследовались уже на начальных этапах становления антропологии. К исходу XIX в. материальная культура стала привилегированным источником при реконструкции истории бесписьменных народов. Отличия от археологии здесь выражались в том, что объектами исследования оказались не артефакты из раскопов, но вещи, продолжающие служить людям в изучаемых антропологами культурах. Физическая антропология, или биоантропология, сделала человеческое тело, изучаемое также, впрочем, во множестве медицинских наук (его репрезентации исследуются в различных гуманитарных дисциплинах), своим главным предметом, обнаружив собственную перспективу и сосредоточившись поначалу на его географической и культурной вариативности. Сомнения в обоснованности вхождения этих областей в предмет антропологии возникают не в отношении этих давно сложившихся и ставших традиционными областей антропологического интереса, а при включении в его сферу современной техники и новых технологий. Действительно, материальная культура, как она понималась в классической этнографии, исключала из области своего внимания предметы поточного или массового производства и индустриальные технологии как недостаточно «этнографические». Являясь частью индустриальной глобальной культуры и городской повседневности, артефакты массового производства обращали на себя внимание антропологов лишь тогда, когда они трансформировали традицию и традиционное общество.

Однако сегодня ситуация коренным образом изменилась не только благодаря становлению городской и медицинской антропологии и антропологии профессий, но и по причине возросшего влияния технаучи на все стороны культуры и общества. Впрочем, было бы ошибкой утверждать, что в другие эпохи тогдашние «новые технологии» оказывали меньшее влияние на человеческие общества и культуры. В конце концов, смена технологических укладов всегда сопровождалась коренными изменениями культуры вообще и повседневных практик в частности. Внедряемые новшества и ранее приводили к расцвету или упадку целых цивилизаций и не уступали по своей сложности современным (ср.: [Lansing 1991]). Однако темп этих изменений в целом соответствовал темпу смены поколений или отставал от него, в силу чего они были не столь заметными, а их трансформирующее влияние на культурные традиции менее бросалось в глаза. Сегодня скорость перелицо-

ывающих повседневность технических инноваций такова, что ни один специалист, изучающий культуру и традиции, уже не может игнорировать этот фактор и вынужден искать новые подходы или язык, которые бы позволили описывать и анализировать калейдоскоп новых практик и трансформирующихся структур повседневности, причем индуцированные этими технологиями перемены затрагивают все общества и культуры, стирая различия между городскими и сельскими локальностями по всему миру. Такие технологии часто вступают в принципиально новые отношения с человеческой телесностью, не только трансформируя наши навыки, умения, практики, диспозиции, схему и образ тела и габитус в целом, но и демонстрируя все новые и более тесные виды интеграции и гибридизации соматического и технического, органического и неорганического, живого и косного.

Технологии насыщают современную повседневность и становятся повсеместными (это отмечают многие участники обсуждения), и потому исследующие эту повседневность и стремящиеся к холистскому описанию антропологи должны включать их в предмет своих исследований, к тому же, как замечает Лилия Земнухова, именно антропологический подход «позволяет собирать детальное описание ситуаций с тем, чтобы проследить динамику микроизменений». Анна Маляр, отмечая нехватку антропологических исследований «тела-вещи», призывает «ухватить тело за плоть» и пишет, что «делать это должна антропология как единственная в ряду социальных наук имеющая материально ориентированный методологический аппарат». Игорь Морозов обращает наше внимание на умножение перспектив, в которых рассматривается телесность, становящаяся «важным предметом изучения социальных наук, маркетинга, имиджологии, политологии». Он же затрагивает и проблему антропоморфизации техники, усложняющую наши представления о «человеческом» и «нечеловеческом». Вместе с тем технологии (исключая весьма специфический случай медицинской антропологии) продолжают оставаться, как заключает на основании рассмотрения почти двух десятков обзоров по социологии и антропологии тела Анастасия Карасева, «настоящим слепым пятном исследований телесности».

Поскольку распространение новых технологий трансформирует традиционные объекты антропологических исследований, заставляя нас менять методологию и методы исследований, в анкету «Форума» вошли вопросы о перспективных подходах к изучению телесности, прежних и новых, и влиянии на нашу дисциплину успехов биотехнологий и когнитивных наук. Ответ на вопрос, существовали ли в истории антропологии

концепции, повлиявшие на современные подходы к исследованиям техники и тела, предполагает детализацию представлений о понятии техники и его эволюции и тех аспектах телесности, которые вовлекаются во взаимодействие с технологиями или подвергаются их воздействию. Расцвет собственно антропологических исследований традиционных технологий пришелся на рубеж XIX и XX вв. [Hutton 1944], после чего эта область пережила затяжной кризис, укрывшись в не слишком престижной для того времени музейной антропологии (Бронислав Малиновский, например, полагал, что исследование технологий является в этнологии занятием «в научном отношении стерильным» [Malinowski 1935, I: 460]). Вплоть до формирования новых подходов к материальной культуре и технике почти столетие спустя, когда пришло осознание важнейшей роли техники для по меньшей мере трех ключевых областей антропологических интересов — культуры повседневности, воспроизводства традиции и экологии и эволюции человека — исследования техники и технологий оставались для антропологов занятием периферийным. Отдельные работы, появлявшиеся в этот период, ситуации изменить не могли [Pfaffenberger 1992]. Тем не менее именно антропологи стали авторами нескольких ключевых для интересующей нас области исследований идей. Помимо широко известных работ Марселя Мосса о техниках тела и Андре Леруа-Гурана, разработавшего принципы сравнительной технологии, важными для рассмотрения взаимодействий тела и техники в этот период спада интереса и продолжающими оказывать стимулирующее влияние на соответствующие исследования и сегодня оказались некоторые из уже упомянутых идей Грегори Бейтсона, а также Эдварда Холла, Мэри Дуглас, Дэвида Шнайдера, Мэрилин Стратерн и др. классиков нашей дисциплины, подготовивших почву для развития медицинской антропологии и техноантропологии и предложивших глубокое осмысление влияния новых технологий на множество социальных институтов, в том числе на трансформацию (и само понимание категории) родства, а также на привычные системы категоризации, экологию и этику.

Участники нынешнего обсуждения назвали множество перспективных направлений антропологических исследований телесности и техники. В методологическом отношении авторы реплик отмечают поворот к неантропоцентрической антропологии (Магдалена Кожевникова, Александра Курленкова), трактовкам тела как конструкции и как медиа (Ирина Сироткина) и к пересмотру границ тела (Анна Мальяр), к изучению этических проблем пост- и трансгуманизма (Магдалена Кожевникова). В практическом отношении в качестве таких направлений названы изучение оцифровки тела и его функ-

ций, антропоморфизация современных технологий (Игорь Морозов), телесные аспекты дополненной и виртуальной реальности (Елена Соколова). Кроме того, участники пишут о потребности в анализе таких входящих в новую повседневность практик, как, например, биохакинг, влияние биотехнологий на телесную медиацию власти (Лилия Земнухова, Анна Маляр), гибридная телесность (Дмитрий Михель, Магдалена Кожевникова), культура движения и трудовых операций (Ирина Сироткина), телесно-сенсорное взаимодействие с технологиями (Елена Соколова), коммерциализация тела (Игорь Морозов), технологии «совершенствования» человека (Дмитрий Михель).

В отношении последних нужно отметить, что попытки такого улучшения наблюдаются на протяжении всей истории человеческого существования: человечество тысячелетиями использует минеральные, растительные и животные ресурсы планеты в своей фармакопее. Многие из этих средств, в том числе и воздействующих на сознание, легли в основу современной лечебной медицины. Однако традиционная медицина не вмешивалась, во всяком случае намеренно и целенаправленно, в регулирование функций человеческого организма на субклеточном и геномном уровнях, не владела технологиями пересадки органов или их выращивания из стволовых клеток; протезирование и имплантология также находились на качественно ином уровне. Современные биотехнологии осуществляют интервенции в человеческие психику и соматику в невиданном прежде масштабе. Очеловечивание неорганического (роботизация, искусственный интеллект, возникновение особой области этики отношений с машинами и постановка вопроса о правах машин), с одной стороны, и внедрение синтезированных материалов и устройств, как органических, так и неорганических, например микрочипов, в человеческое тело — с другой, формируют, как представляется, новое исследовательское поле для антрополога, возникающее как раз на пересечении проблематики телесности и технологии. «Усовершенствованная» человеческая телесность (*human enhancement*) или «дополнение» когнитивных способностей (*technically augmented cognition*) не должны ускользать от антропологического вопрошания, поскольку, чем бы ни занимались антропологи, пока существует их дисциплина, ее основным фокусом остается сам человек и процессы, происходящие с его сознанием и телом.

До сих пор антропологи в исследованиях этой проблематики находились на вторых ролях: в медицине они выполняли функции консультантов по культуре, а в технических компаниях обеспечивали взаимодействие и обратную связь между инженерами и потребителями продуктов технауки. Это важные

роли, но их нельзя считать достаточными, поскольку нарастающий темп инноваций и растущая степень их влияния на человека ставят задачу более глубокого понимания конкретных областей медицины и техники. Такая задача предполагает изменение всей системы профессиональной подготовки и обучения и овладение несколькими специальностями. Без этого антропология будет постоянно отставать и от динамики культуры и общества, и от динамики перемен в поведении людей, в том числе в телесных аспектах этого поведения. Однако знание в этой области становится все более и более трансдисциплинарным, что выдвигает новые требования и к системам его передачи. Должны ли мы сохранять дисциплинарные перегородки и тщательно охранять дисциплинарные границы (до сих пор система аттестации в высшем образовании и присуждении ученых степеней, как и издательское дело в науке, строятся именно на этом принципе) или нам необходим радикальный поворот в сторону универсального образования на принципах ирредукционизма и холизма? Этот вопрос остается самым существенным и серьезным, поскольку касается будущего как системы образования, так и науки в целом.

Благодарности

Выражаю благодарность всем членам временного научного коллектива поддержанного РНФ исследовательского проекта (грант № 18-18-00082), дискуссии с которыми помогли мне сформулировать вынесенные здесь на обсуждение вопросы и лучше представить концептуальный горизонт рассмотрения диалектики живого и неживого, одной из реализаций которой, несомненно, являются взаимоотношения тела и техники. Отдельная благодарность членам редколлегии «АФ» за уточнение формулировок этих вопросов, а также всем участникам дискуссии за потраченное ими время и интересное обсуждение.

Библиография

- Богатырь Н.В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 30–39.
- Земнухова Л.В., Сивков Д.Ю.* Работать (в)месте: локализация технонауки в офисах ИТ-индустрии // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 44–58.
- Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
- Слотердайк П.* Сферы. Микросферология. Т. 1: Пузыри. СПб.: Наука, 2005. 653 с.
- Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. Т. 2: Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.
- Слотердайк П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. 3: Пена. СПб.: Наука, 2010. 924 с.

- Соколовский С.В.* О границах человека и человеческого: биоэтика, постгуманизм и новые технологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 37–38.
- Соколовский С.* Антропотехноморфизмы и антропология технокорпо-реальности // Социология власти. 2017. Т. 29. № 3. С. 23–40.
- Bateson G.* Steps to Ecology of Mind [1972]. L.: Jason Aronson Inc., 1987. 361 p.
- Clynes M.E., Kline N.S.* Cyborgs and Space // Astronautics. 1960, Sept. P. 26–27, 74–77. <<https://pdfs.semanticscholar.org/4df3/9d8755c0b3e083cfaf0bfb6e3ff8afe77247.pdf>>.
- Haraway D.* Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // Socialist Review. 1985. No. 80. P. 65–109.
- Hutton J.H.* The Place of Material Culture in the Study of Anthropology // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1944. Vol. 74. P. 1–6.
- Lansing J.S.* Priests and Programmers: Technologies of Power in the Engineered Landscape of Bali. Princeton: Princeton University Press, 1991. 216 p.
- Levy R.I.* Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands. Chicago: Chicago University Press, 1973. 576 p.
- Malinowski B.* Coral Gardens and Their Magic. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1935. 2 vols. 500+350 pp.
- Pfaffenberger B.* Social Anthropology of Technology // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21. P. 491–516.

Сергей Соколовский

Anthropology of the Living and the Dead: The Case of Human Body and Technics (an afterword to the discussion)

Sergei Sokolovskiy

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
SokolovskiSerg@gmail.com

The paper summarizes the discussion on anthropological approach to the study of the interface of human body and technologies. Employing the concept of “hypocognition” suggested by Robert Levy, the author suggests the search for conceptual tools necessary for interdisciplinary dialogue in this new research field. In addition

to a brief overview of this search and the resulting discussion, the paper contains polemics with traditional approach to human body and technologies as separate phenomena. As new technologies interact with the human body in new and intricate ways, and influence human beings, societies, and cultures across the world, their study must become part and parcel of anthropology, which has so far focused on tradition and paid less attention to innovations.

Keywords: technology research in anthropology, body studies, hypocognition, interdisciplinary dialogue.

Acknowledgements

The work was supported by a research grant from Russian Science Foundation (no. 18-18-00082). I am grateful to the members of the research team, with whom I discussed the interrelationships between the living and the dead (including its important aspect of body-technology interface), as well as to the editorial board of “Forum for Anthropology and Culture”, whose members refined the questions for this discussion, and to all the participants for their time and efforts.

References

- Bateson G., *Steps to Ecology of Mind* [1972]. London: Jason Aronson Inc., 1987, 361 pp.
- Bogatyr N. V., ‘Sovremennaya tekhnokultura skvoz prizmu otnosheniy polzovateley i tekhnologiy’ [Contemporary Technoculture through the Prism of Relations between Users and Technologies], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 5. pp. 30–39. (In Russian).
- Clynes M. E., Kline N. S., ‘Cyborgs and Space’, *Astronautics*, Sept. 1960, pp. 26–27, 74–77. <<https://pdfs.semanticscholar.org/4df3/9d8755c0b3e083cfa0bfb6e3ff8afe77247.pdf>>.
- Haraway D., ‘Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s’, *Socialist Review*, 1985, no. 80, pp. 65–109.
- Hutton J. H., ‘The Place of Material Culture in the Study of Anthropology’, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1944, vol. 74, pp. 1–6.
- Lansing J. S., *Priests and Programmers: Technologies of Power in the Engineered Landscape of Bali*. Princeton: Princeton University Press, 1991, 216 pp.
- Levy R. I., *Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands*. Chicago: Chicago University Press, 1973, 576 pp.
- Malinowski B., *Coral Gardens and Their Magic*. London: George Allen and Unwin Ltd., 1935. 2 vols, 500+350 pp.
- Merleau-Ponty M., *Le visible et l’invisible*. Paris: Gallimard, 1988, 360 pp.
- Pfaffenberger B., ‘Social Anthropology of Technology’, *Annual Review of Anthropology*, 1992, vol. 21, pp. 491–516.
- Sloterdijk P., *Sphären I — Blasen*. Berlin: Suhrkamp, 1998, 648 SS.
- Sloterdijk P., *Sphären II — Globen*. Berlin: Suhrkamp, 1999, 1016 SS.

- Sloterdijk P., *Sphären III — Schäume*. Berlin: Suhrkamp, 2004, 920 SS.
- Sokolovskiy S. V., 'O granitsakh cheloveka i chelovecheskogo: bioetika, postgumanizm i novye tekhnologii' [On the Boundaries of the Human and Humanity: Bioethics, Posthumanism, and New Technologies], *Etnograficeskoe obozrenie*, 2013, no. 3, pp. 37–38. (In Russian).
- Sokolovskiy S. V., 'Antropotekhnomorfizmy i antropologiya tekhnno-korporalnosti' [Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality], *Sotsiologiya vlasti*, 2017, vol. 29, no. 3, pp. 23–40. (In Russian).
- Zemnukhova L. V., Sivkov D. Yu., 'Rabotat (v)meste: lokalizatsiya tekhnologii v ofisakh IT-industrii' [Working "(to)gather": Localization of Technoscience in Offices of the IT Industry], *Etnograficeskoe obozrenie*, 2017, no. 6, pp. 44–58. (In Russian).